

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.23671/VNC.2020.8.58148

И. Г. ДОБРОДОМОВ И ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

Е.Б. Бесолова

Статья посвящена вкладу доктора филологических наук, профессора Игоря Георгиевича Добродомова в исследование осетинского языка. Отмечается, что в ряде работ талантливого ученого даются содержательные этимологии аланизмов, заимствованных как русским, так и другими славянскими языками.

Особый интерес вызывает освещение таких вопросов, как этимология, связанная с аланскими регулярными формами множественного числа; хронология появления слов и различные версии их происхождения; мотивировка гапакса; семантическая и звуковая близость западнославянских форм и иранизмов; связь иранского мира с западнославянскими языками и мн.др.

Подробному рассмотрению подвергаются и факторы, свидетельствующие о влиянии аланского языка на славянские и русский языки, а также способствующие реконструкции утраченных лексем-аланизмов путем их поиска в иных языках с целью составления полного списка слов иранского происхождения. Относительная хронологическая иерархия лексем устанавливается методикой групповой реконструкции, осуществляемой на основе синонимического гнезда с опорой на осетинский язык, выступающего в качестве единственного сохранившегося потомка длительно существовавшего и многочисленного по количеству говорящих скифо-сармато-аланского языкового мира, с которым когда-то активно контактировали славянские народы.

Ключевые слова: осетинский язык, аланизмы, славянские языки, реконструкция, языковой контакт, русский язык, гапакс.

Долгие годы простая человеческая и творческая дружба связывала профессора Тамерлана Александровича Гуриева с Игорем Георгиевичем Добродомовым, профессором, доктором филологических наук, заведующим кафедрой общего языкознания Московского государственного педагогического университета.

И.Г. Добродомов – выпускник отделения русского языка и литературы филологического факультета Московского государственного университета (1953–1958 гг.). В 1960–63 гг. проходил обучение в аспирантуре Инсти-

туда русского языка АН СССР под руководством проф. Р.И. Аванесова. По окончании аспирантуры И.Г. Добродомов работал преподавателем русского языка на подготовительном факультете Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (ныне – РУДН). С 1964 года – работал в МГПИ им. В.И. Ленина (ныне – МПГУ) на кафедре общего языкознания.

Творческая биография ученого сложилась удачно: в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале “Повести временных лет”», а в 1974 году – докторскую по теме «Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках». При изучении взаимовлияния народов на территории Восточной Европы в своих изысканиях опирался на материалы различных языков, прежде всего – недостаточно хорошо исследованных. И.Г. Добродомову принадлежит положение (идея) о том, что взаимодействие языков носит массовый характер и распространяется на многие языки исследуемого региона; в своих исследованиях особое внимание уделяет тюркизмам. Им же установлено наличие элементов тюркского происхождения в древнерусском языке, в частности, тюркизмов из языка половцев в «Слове о полку Игореве». Это обстоятельство дало проф. Добродомову И.Г. основание для констатации факта не столько непосредственных контактов древних славян с этим народом, сколько для заключения, что подобные заимствования могли появиться в древнерусском языке также и через волжских, донских и кубанских болгар или тюрков.

И.Г. Добродомов является автором более 550 печатных работ. Сфера научных интересов широка: тюрко-славянские языковые контакты, язык как источник изысканий по истории народов Восточной Европы; проблемы взаимовлияния разных народов на означенной территории; вопросы преподавания языков и лингвистических дисциплин. Он же и автор методики реконструкции чувашско-болгарского словаря путем поиска утраченных лексем в заимствованиях в иные языки (славянских, кавказских, финно-угорских и др.).

И.Г. Добродомов предложил ряд оригинальных этимологий не только чувашских слов, но и осетинских. Проиллюстрируем.

Статья об аланизмах в русском языке вызывает, на наш взгляд, интерес уже самим описанием обстоятельств обнаружения неизвестных слов в переписке царя Ивана Васильевича Грозного с опричным думным дворянином Василием Григорьевичем Грязным-Ильиным, попавшим в 1573 году в плен к крымским татарам и просившим выменять его на крымского полководца Мурзу Дивея [1,37]. Описывая тяготы крымского плена, «полоняник Васюка Грязной» в двух своих письмах на имя царя (1574 г.) трижды упоминает неизвестное по словарям и другим письменным памятникам слова *кадама* в форме предложного падежа множественного числа (*в кадамахъ*). И.Г. Добродомов приводит текст: «В первом письме: «А сижю в пустом городе *в кадомах*– выработат [т. е. «заработать» – И. Д.]

нельзя и не у кого» (с. 76 по первому изданию). Во втором сохранившемся письме Василия Грязного (1576 г.) слово *кадама* употреблено дважды автором письма, который пересказывает царю свою беседу с пришедшим к нему для разговора от крымского царя (хана) чеушем – унтер-офицером дворцовой стражи. «Свой ответ крымскому хану на вопрос чеуша о том, на каких условиях царь Иван Грозный собирается заключать мирный договор с Крымом («на чем... хотел помириться...»), Василий Грязной передает следующим образом: «И яз, холоп твои, говорил: «Коли, реку, яз и у государя был, и яз, реку, и тогда не ведал ничего, а ныне, реку, сижу у царя (крымского хана. – И. Д.) вполону уж три годы в *кадамах* – вовсе уже в Манкупе два года – и мне, реку, почему ведати государева умышление?» [1, 38]. Последнее, третье, упоминание загадочных *кадамов* встречается в этом письме в передаче содержания челобитной Василия Грязного крымскому царю (хану): «А то, реку, есми слышел же, что государь царь православный меня, холопа своего, велел окупати (т. е. «выкупать»). – И. Д.) деньгами, только ты, волной человек, меня пожалуешь, не уморишь в *кадамах*, дашь на окуп» (т. е. «выкуп». – И. Д.)» [1, 38].

Как пишет И.Г. Добродомов, «загадочное *кадама* можно было понять и как географическое название (тогда его следовало бы печатать с большой буквы), и как нарицательное название помещения (в *тюрьмах*), и как название лица (в *пленниках*, в *арестантах*) и т. п.» [1,38].

Обращение ученого к русскому языку и другим славянским языкам, к языку крымских татар и топонимике Крыма не прояснило значения слова; ответ нашелся в осетинском языке: в дигорском (западном и северном) диалекте встречается слово *хъадама* (множественное число *хъадама тæ*) «кандалы, оковы»; в иронском же диалекте осетинского языка ему соответствует *хъадаман* «путы, кандалы» (множественное число *хъадаман тæ*) [2, II, 254-255]. По мнению И.Г. Добродомова, осетинский язык имеет существенные исторические основания для толкования «крымского» слова *кадама*: «... осетинский язык восходит к когда-то многочисленной скифской (северо-восточной) ветви иранских языков, носители которых пришли из Средней Азии. Ближайшими родственниками осетинского языка оказываются уже вышедшие из употребления древние хорезмийский и согдийский языки, а также потомок последнего ягнобский, сохранившийся в долине Ягноба в Таджикистане. Близки к осетинскому языку генетически также другие памирские языки, а также афганский язык, находящийся сейчас на востоке иранского языкового мира. Другие иранские языки (персидский, таджикский, курдский и т. п.) по происхождению более далеки от осетинского, хотя и родственны ему. Ближайшие языковые родственники осетин, жившие в степях Северного Причерноморья в средние века, в арабских и европейских источниках известны под именем *аланы*, а в русских и венгерских – как *ясы*; <...> от крымских аланов и попало слово *кадама* в письма Васюка Грязного [1,39].

Следующее крымское слово алано-ясского происхождения в русском языке – «*копага́*, крым. самая мелкая кефаль (голавль)» [3, II, 157]. По мнению ученого, «суффиксальная часть» *-ага́* выглядит несколько необычно из-за конечного ударения, что не свойственно русским словам с суффиксом *-ага́*. Зато русский крымский диалектизм легко сопоставляется с восточноиранским общим названием рыбы **кара-*, которое сохранилось в современном осетинском *kæf* «рыба (обычно крупная)», афганском *kab* «рыба» и созвучных словах памирских языков. Аланское название рыбы **кара* было расширено суффиксальным элементом типа осетинского весьма активного многозначного суффикса *-аг*» [4, 659-661]. Ср.: *кæсаг* «аланское название мелкой рыбы» с суфф. *-аг*, поэтому, предлагает ученый, «конечный гласный русского существительного *копага́* можно рассматривать как аланский показатель (окончание) именительного падежа, проявляющийся в некоторых случаях в дигорском диалекте осетинского языка, но отсутствующий в единственном числе в иронском». Важно заметить, заключает И.Г. Добродомов, «и слово *кадама* «кандалы» у Васюка Грязного и крымское слово *копага́* «самая мелкая кефаль» обнаруживают сходство с дигорскими, но не иронскими, осетинскими формами» [1,40].

В первом выпуске сборника статей под названием «Проблемы осетинского языкознания» была напечатана статья И.Г.Добродомова «Об аланизмах в западных и восточных славянских языках» [5, 25–45].

Речь идет о трех наименованиях предметов верхней одежды (*кабатъ*, *тегилай*, *кебеньякъ*), встречающихся в памятниках восточнославянской деловой письменности XV – XVI вв. и относимых Э.Н. Болониной «к тюркским по происхождению» [6, 22–27]. По мнению И.Г. Добродомова, тюркское происхождение слова *кабат* «рабочая рубаха, куртка, кофта» «никак не может быть принято и является результатом обидного недоразумения» [5, 26].

Отметив характерный недостаток «многих работ по тюркизмам» – игнорирование географии слова – он отсылает славянские слова типа *кабат* к иранскому первоисточнику: персидскому *каба* (*кабай*) «просторная мужская одежда с длинными рукавами, род кафтана».

Для западнославянского *кабат* в качестве первоисточника И.Г. Добродомов предполагает нормальную восточноиранскую форму множественного числа с показателем *-т* (типа **каба-т* (**кабат*), ср. осетинское *къаба-т-æ*). Согласный *-т* как показатель множественного числа, отмечаемый в современном осетинском языке, выполнял такую функцию уже в скифском языке. Такой показатель имеет параллелизм в согдийском (*-т*, *-т'*), ягнобском (*-т*), хорезмийском (*-с<-т*) [7, 218-220]. По словам ученого, южнославянские языки не знают слова *кабат*, но зато им известно другое слово, возводимое к тому же иранскому *къаба* с тем же значением. И.Г. Добродомов предупреждает, что слова заимствуются далеко не всегда в своей словарной исходной форме, а применительно к существительным

следует учесть, что это – не всегда именительный падеж единственного числа. Считаем очень существенным наблюдение ученого относительно того, что крымские слова *кадама* «кандалы» у Васюка Грязного и *копага* «самая мелкая кефаль» обнаруживают сходство не с иранскими формами осетинского языка, а с дигорскими [1, 40].

Важно также заключение И.Г. Добродомова о том, что образцов заимствований и русским, и другими славянскими языками аланских слов в форме множественного числа – много. К примеру, слово *кисет* <кисе «мешочек; карман». Из двух возможных этимологий данного слова И.Г. Добродомов больше склоняется к аланской, согласно которой в слове *кисет* «иноязычный характер суффикса *-et* и его непродуктивность на русской почве препятствуют выводить слово в качестве образования на русской почве» [5,35]. По соображению ученого, «конечный согласный *-t*не объясняется на тюркской основе, ибо малопопулярный уже на древнетюркской почве показатель множественного числа *-t* считается там эпизодическим заимствованным элементом согдийского <...> происхождения» [5,35]. В качестве предполагаемого источника для слова *кисет* берется современный осетинский язык, который «представляет собой конечный результат непрерывного развития старых иранских языков Восточной Европы: скифского, сарматского и – наконец – аланского, – причем для наших целей будут существенными данные именно аланского языка, отдельные важные черты которого восстанавливаются на основании материала письменных памятников с опорой на осетинский материал» [5,36-37].

По мнению И.Г. Добродомова, для этимологизации русских слов особенно ценны факты аланского языка. Далее, со ссылкой на В.И. Абаева, добавляет, что «в осетинском языке есть целый ряд близких по значению и форме слов: иронск. *kysæ, kyssæ* (орфогр. *чыссæ*), дигорск. *k'isæ* «кошелек; мешочек, кисет, кошелечек»; *k'æssa*, дигорск. *k'issa, k'essa* «мешочек, кисет, кошелечек»; *k'æssa* (орфогр. *къæсса*) «кожаный мешок» – которые в конечном итоге вместе с большим количеством сходных слов в соседних языках восходят к персидскому *kisa/kuca*» [5,37].

Но, считает И.Г. Добродомов, приведенные аланско-осетинские словарные формы не могут являться основой слова *кисет*, скорее всего, это регулярная аланская форма множественного числа типа *kysætæ, kisætæ*, образованная с помощью суффикса *-t* и окончания *-æ*.

В предполагаемом ученым времени (XIV в.) анализируемое слово имело, допускает он, значение: «совокупность мешочков для хранения элементов огнива (кремень, стальное огниво, трут)», которое и обусловило употребление слова *кисет* в форме множественного числа на аланской почве. Примечательно уточнение касательно суффикса множественного числа *-t*, который наличествовал в иранских языках очень давно: «...был уже представлен в древнем согдийском, в более новом виде в хорезмийских языках, которые сейчас известны лишь по старинным памятникам

письменности, выйдя в Средней Азии из живого употребления; есть он и в существующем сейчас потомке согдийского языка – языке ягнобском» [5,38].

Рассматривая «явные западнославянские иранизмы», И.Г. Добродомов озадачивается возможной этимологией чешско-польского названия *меча*, которое, как он считает, «получает возможность освещения с помощью иранского материала» [5,43]. Подтверждает это материал из словарей – персидско-русского, курдско-русского, афганско-русского – «созвучные и семантически близкие слова: персидск. *šāmšīr* «сабля, шашка; меч, шпага, рапира», курдск. *semsir* (*šāmšīr*) «меч», афганск. *šamšer* «меч; сабля, шашка». Вопрос о связи иранского *šāmšīr* «меч» и чешско-польского *sarsun* «меч» с «весьма загадочным словом *шереширь* в «Слове о полку Игореве» вызвал интерес. Он обусловлен тем, что «указанный гапакс «Слова», по словам И.Г. Добродомова, можно рассматривать как своеобразную фонетически промежуточную форму между иранским и западнославянским названием меча: *šāmšīr* – *шереширь* – *sarsun*» [5,44]. На его взгляд, эта проблема требовала дополнительных изысканий, хотя «удивительная семантическая и звуковая близость западнославянской формы *sarsun* и иранской *šāmšīr* сами по себе заслуживают внимания» [5,44].

Не менее ценны «Этимологические этюды» И.Г. Добродомова, опубликованные во втором выпуске сборника статей «Проблемы осетинского языкознания» [8, 41–63].

В этюде о названии реки Ворскла и производных от данного гидронима сообщается, что не раз ученые пытались выяснить этимологию слова *Ворскла*, приводит попытки А.Х. Востокова, М.А. Максимовича, З.Т. Франко, А.Ф. Орлова и др. объяснить происхождение обсуждаемого названия [8, 42–46].

Наиболее перспективной, по мнению И.Г. Добродомова, можно считать толкование А.Л. Погодина, пытавшегося в первой части слова *Ворскла* вычленить *ворс* «белый» дигорского диалекта осетинского языка [8,46]. Развитие второй части гидронима Ворскла А.С. Стрыжакком – *кул* (иронск.), *колæ* (дигорск.) в значении «глубокая лужа; глубокое место в реке; глубокая вода» вместе с его тюркским первоисточником *кол* «озеро» – получили широкое хождение в популярной литературе.

И.Г. Добродомов не сомневается в том, что первая часть названия Ворскла иранского происхождения, и ее связь с осетинским прилагательным с семантикой «белый» (др.перс. *aurusa-*, осетинск. иронск. *урс*, дигорск. *орс*, *урс*) не вызывает сомнений. Но в данном случае, уточняет он, прилагательное с семантикой «белый» указывает не на физико-географическое своеобразие, а на этнос (*аорсы*), который проживал в районе Поворскля [8,46], причем более всего для этого подходит архаическая дигорская форма *ўорс* с неслоговым согласным *ў (>в)* в начале слова (анлауте). И далее:

«этноним *аорсы* уже в форме *Орсийя* продолжал жить в Восточной Европе вплоть до XIV в.» [8,47].

Вторая часть гидронима Ворскла представлена во многих языках народов Евразии, зафиксирована в старых тюркских словарях, имеется и в современных тюркских языках как географический термин «долина; река». Вывод относительно названия реки Ворскла: оно дано тюрками по населявшим бассейн этой реки иранскому народу *аорсы* и представляет собой параллель к названию реки *Оскол* <ас, ос «алан» + тюрк. *қол* «река», значившему первоначально «асская (ясская, аланская) река» [8,51].

Во втором этюде «Осетинские названия метели» [8, 55–63] речь идет о методике групповой реконструкции, осуществляемой на основе синонимического гнезда, внутри которого возможно установление относительной хронологической иерархии лексем.

В.И. Абаев при сопоставлении названия метели *бурдаџн* в дигорском диалекте осетинского языка с абхазским *a-fert'ən* «буря, метель» приходит к предположению, что слово, по всей видимости, *тюркского* происхождения.

Ознакомившись с этимологией слова *бурдаџн* в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», И.Г. Добродомов сетует по поводу того, <...> что ранее высказанное предположение о тюркском его происхождении осталось совершенно не учтенным и почему-то не получило никакого дальнейшего развития в более позднем труде В.И. Абаева... [8, 55]. Недоумевает он также и по поводу того, что «показаны не были причины отказа от прежней этимологии, оставшейся лишь в самой общей формулировке», и что только исключительно тюркская этимология способна дать какой-либо положительный этимологический результат [8, 55].

Высказанные И.Г. Добродомовым предложения относительно аланизмов в русском, западных и восточных славянских языках, на наш взгляд, заслуживают внимание. По мнению ученого, это

1) неременный учет осетинского материала при выяснении происхождения славянской лексики. Обоснование: это единственный сохранившийся потомок длительно существовавшего и многочисленного по количеству говорящих скифо-сармато-аланского языкового мира, с которым когда-то контактировали славяне;

2) выявление аланизмов в русском, западных и восточных славянских языках, а также определение путей движения заимствований из иранского источника в другие языки (в том числе тюркские);

3) реконструкция иранизмов путем поиска утраченных лексем в иных языках для составления полного списка слов иранского происхождения, свидетельствующих о заметном влиянии исчезнувшего аланского языка [9].

1. Добродомов И.Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981. Вып.2. С. 37–42.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2. 450 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. 6-е изд. 1989. Т. 2. 780 с.
4. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. 3-е изд. Орджоникидзе, 1970. С. 659–661.
5. Добродомов И.Г. Об аланизмах в западных и восточных славянских языках // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984. Вып.1. С. 25–45.
6. Болонина Э.Н. Тюркизмы в восточнославянской деловой письменности XV – XVI веков // Советская тюркология. 1982. №1. С. 22–27.
7. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I. 603 с.
8. Добродомов И.Г. Этимологические этюды // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. С. 41–63.
9. Сенько Е.В., Лазарова И.А. К проблеме русско-осетинских языковых контактов // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 29 (68). С. 137–143.

Bessolova, Elena B.–V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); elenabesolova@mail.ru

IGOR G. DOBRODOMOV AND THE OSSETIAN LANGUAGE

Keywords: *Ossetian language, Alanisms, Slavic languages, reconstruction, language contact, Russian language, hapax.*

The article is devoted to the contribution of Doctor of Philology, Professor Igor Georgievich Dobrodomov to the study of the Ossetian language. It is noted that in a number of the works by this talented scientist the substantive etymologies of Alanisms, borrowed by both Russian and other Slavic languages, are given.

Of particular interest is the coverage of issues such as the etymology associated with the Alanian regular plural forms; the chronology of the appearance of words and various versions of their origin; hapax motivation; semantic and phonic affinity of West Slavic forms and Iranisms; connection of the Iranian world with West Slavic languages and many others.

Factors that testify to the influence of the Alanian language on the Slavic and Russian languages, as well as to contributing to the reconstruction of lost Lexemes Alanisms by tracing them in other languages in order to compile a complete list of words of the Iranian origin, are also examined in detail here. The relative chronological hierarchy of lexemes is established by the method of group reconstruction, carried out on the basis of a synonymous nest based on the

Ossetian language, acting as the only surviving descendant of the long-existing and with the numerous speakers Scythian-Sarmatian-Alanian language world, which the Slavic peoples once actively contacted.

REFERENCES

1. Dobrodomov, I. G. *Ob alanizmakh v russkom iazyke* [About Alanisms in Russian]. *Osetinskaia filologiya* [Ossetic Philology]. Ordzhonikidze, 1981, iss. 2, pp. 37–42.
2. Abaev, V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Leningrad, 1973. Vol. II. 450 p.
3. Dal, V. *Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo iazyka. V 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols]. The 6th edition. 1989. Vol. II., 780 p.
4. Abaev, V. I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo iazyka* [Ossetic Grammar Essay]. *Osetinsko-russkii slovar* [Ossetian-Russian Dictionary]. The 3^d edition. Ordzhonikidze, 1970, pp. 659–661.
5. Dobrodomov, I. G. *Ob alanizmakh v zapadnykh i vostochnykh slavianskikh iazykakh* [About Alanisms in Western and Eastern Slavic Languages]. *Problemy osetinskogo iazykoznaniiia* [Problems of Ossetian linguistics]. Ordzhonikidze, 1984, iss. 1, pp. 25–45.
6. Bolonina, E. N. *Tjurkizmy v vostochnoslavjanskoi delovoi pis'mennosti XV–XVI vekov* [Turkisms in East Slavic business writing of the XV–XVIth centuries]. *Sovetskaia tiurkologiya* [Soviet Turkology]. 1982, no. 1, pp. 22–27.
7. Abaev, V. I. *Osetinskii iazyk i folklore* [The Ossetian Language and Folklore]. Moscow-Leningrad, 1949. Vol. I. 603 p.
8. Dobrodomov, I. G. *Etimologicheskie etiudy* [Etymological studies]. *Problemy osetinskogo iazykoznaniiia* [The Ossetic Linguistics' Problems]. Ordzhonikidze, 1987, pp. 41–63.
9. Senko, E.V., Lazarova, I.A. *K probleme russko-osetinskikh iazykovykh kontaktov* [Russian-Ossetic Language Contacts Problems]. *Izvestiia SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 29 (68), pp. 137–143.